Александр Юрский

Гласность, бюрократия и (не)существование публичной сферы в России периода Великих реформ[1]

Alexander Yurski

Glasnost', Bureaucracy, and The (Non)existence of the Public Sphere in Russia During the Great Reforms

Александр Юрский
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажер-исследователь Центра цифровых социально-исторических исследований; аспирант, преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук
alj.yurski@gmail.com.

Ключевые слова: гласность, бюрократия, история понятий, публичная сфера, Великие реформы

УДК: 94(470)"18":321.7:316.77
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_124

В центре внимания автора статьи находится понятие гласности — широко используемое как современниками, так и исследователями середины XIX века в России. Историки, обращаясь к этому понятию, редко проблематизируют его значение, которое на деле оказывается чрезвычайно важным и показательным для понимания общественных дискуссий этого периода. Исследователи часто называют первое десятилетие правления Александра II «эпохой гласности», и обращение к самому понятию ставит вопрос о (не)существовании публичной сферы в России. Общественное понимание (понимание публикой) гласности прежде всего ориентируется на свободу слова, отсутствие цензуры, на возможность открыто высказываться на различные темы. Идеал гласности для публики — английская бесцензурная печать, которая на русском языке может реализовываться разве что в изданиях А.И. Герцена. В то же время для бюрократии в ее «просвещенной» части гласность не видится аналогом свободы слова. Для них это способ проведения реформ (в первую очередь — крестьянской), включение публики в процесс принятия решений в качестве одной из сторон, но имеющей только консультативный голос.

Alexander Yurski
HSE University, Centre for Digital Social History Studies, Research assistant; PhD Student; HSE University, Faculty of Humanities, Lecturer at the School of History
alj.yurski@gmail.com.

Keywords: glasnost', bureaucracy, history of concepts, public sphere, Great reforms

UDC: 94(470)"18":321.7:316.77
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_124

The article focuses on the concept of glasnost, widely used by both contemporaries and researchers of the mid-19th century in Russia. Historians, referring to this concept, rarely problematize its meaning, which in fact turns out to be extremely important and indicative for understanding the public debates of this period. Researchers often refer to the first decade of Alexander II's reign as the «era of glasnost,» while looking closely at the concept itself raises the very question of the (non)existence of a public sphere in Russia. It is shown that the public understanding (understanding by the public) of glasnost is primarily oriented towards freedom of speech, the absence of censorship, and the ability to openly speak out on various topics. The ideal of glasnost for the public is the English uncensored press, which in Russian can only be realized in the publications of A.I. Herzen. At the same time, for the bureaucracy in its «enlightened» part, glasnost is not seen as an analogue of freedom of speech. For them, glasnost is a way of carrying out reforms (primarily peasant reforms), and a way of including the public in the decision-making process, albeit only in an advisory role.

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Интерес исследователей к публичной сфере в контексте российской интеллектуальной истории становится более пристальным. Во многом это связано и с выходом концептуального сборника «Несовершенная публичная сфера», в котором авторы пытаются осмыслить публичность в российской истории, выявляя некоторые «моменты гласности»[2]. Редакторы «Несовершенной публичной сферы», в некотором смысле преодолевая «плохую применимость» теории буржуазной публичной сферы Юргена Хабермаса к русской истории, предлагают адаптировать эту «идеальную модель» посредством добавления методологической перспективы кембриджской школы. С их точки зрения, подобная методологическая сборка позволяет поставить две проблемы: изучение *значений* определенных публичных высказываний и их *значимости* в рамках локального режима публичности в конкретную эпоху, предлагая тем самым новую исследовательскую перспективу[3]. В некотором роде отвечая на этот призыв, в разговоре о публичной сфере мне кажется важным затронуть проблему появления и применения понятия *гласность*, которое очень часто используется и на страницах этого сборника. Прежде всего, я бы хотел показать, как понималась и применялась гласность в значимый для властей период преддверия и первых лет Великих реформ Александра II, а именно в 1850–60-е годы.

Применительно к России середины XIX столетия три феномена можно назвать характерными для новой эпохи, начавшейся со смерти Николая I и окончания неудачной Крымской войны, — это общественное мнение, оттепель и гласность. Все три так или иначе связаны между собой, и историки часто выделяют эти три явления, когда затрагивают период начала царствования Александра II. Со второй половины 1850-х годов об «общественном мнении», как отмечает В.Г. Чернуха, начинают писать все больше — как в публицистике, так и в письмах и дневниках[4]. Безусловно, нельзя сказать, что общественного мнения не существовало до середины XIX века, но, во всяком случае, его влияние не признавалось настолько критичным, да и само общество за полстолетия сильно поменялось и перестало ассоциироваться только с высокообразованной аристократией. К тому же при Александре I и Николае I общественное мнение не связывалось с гласностью[5], а его узнавание проходило по каналам III Отделения[6]. Оттепель как метафора для изменившейся политической обстановки

---

2 *Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т.* Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 10.

3 Там же. С. 44–45.

4 *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука, 1989. С. 6.

5 *Фреде В.* Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I / Пер. с англ. Г. Бесединой // Несовершенная публичная сфера. С. 113–149. Фреде отмечает, что для Негласного комитета, озабоченного «общественным мнением», идеал законотворчества состоял в том, чтобы «наблюдать, слушать и советоваться», а «процесс консультации не должен был превращаться в публичную, гласную дискуссию», то есть узнавание «общественного мнения» проходило *негласным* образом (Там же. С. 123–124).

6 Так, О.Ю. Абакумов отмечает, что «жандармский контроль воспринимался создателем системы надзора <М.Х. Бенкендорфом. — *А.Ю.*> как альтернатива гласности: вскрывать недостатки мог только уполномоченный на то государством чиновник, а не рупоры общественного мнения» (*Абакумов О.Ю.* Третье отделение на страже

(и связанные с этим ожидания перемен) по-прежнему привлекает внимание исследователей[7], пытающихся, помимо прочего, уточнить хронологию этого периода[8].

Гласность же, несмотря на вполне очевидное значение для своего времени[9], пока не стала предметом полноценного рассмотрения в качестве исследовательской проблемы, несмотря на постоянное упоминание этого явления в общественно-политической жизни России 1850–60-х годов. Брюс Линкольн первым сделал гласность предметом научного анализа[10]. Переосмысливая причины и предпосылки Великих реформ, Линкольн показал, что их нужно искать не в крымском поражении, не в экономическом кризисе и не в личности Александра II, а в новом слое чиновников, которые сформировались в период правления Николая I и которых он называл «просвещенными бюрократами». Его рассуждения о широком и узком определении гласности не растеряли своей ценности[11]. Историков интересовало также, как менялась семантика понятия «гласность» с 1700 по 1917 год[12]. Стивен Ловелл в недавней монографии, посвященной публичным высказываниям в России, связывает гласность с новой технологией — стенографией, позволившей воспроизводить и распространять устное слово начиная с 1860-х годов[13]. В научной литературе ставился вопрос о сравнении гласности 1860-х и 1980-х годов — хотя и, на мой взгляд, не очень удачно[14] —

нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. М.: Центрполиграф, 2017. С. 267). О тенденциях в надзорной функции III Отделения во второй трети XIX века см.: *Бибиков Г.Н.* Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023.

7 *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО–XXI, 2013. С. 216–268.

8 *Шевырев А.П.* Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 46–59.

9 Чрезвычайно показательными, на мой взгляд, выглядят данные об употреблении слова «гласность» в Национальном корпусе русского языка, где два пика приходятся как раз на середину XIX века и на перестроечные годы уже XX столетия (URL: https://ruscorpora.ru/word/main?req=%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&seed=3052448489597726/).

10 *Lincoln W.B.* The Problem of Glasnost' in Mid-Nineteenth Century Russian Politics // European Studies Review. 1981. Vol. 11. Issue 2. P. 171–188.

11 В широком определении гласность должна иметь форму свободных и открытых дискуссий, в узком — только поддержки правительственной политики (Ibid. P. 178, 184–185).

12 *Ruud Ch.A.* Glasnost' in Russian History, 1700–1917 // Ideologie, poglady, mity w dziejach Polski i Europy XIX i XX wieku / Ed. by Jerzy Topolski, Witold Molik, Krzysztof Makowski. Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1991. P. 255–262.

13 *Lovell S.* How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860–1930. Oxford: Oxford University Press, 2020.

14 *Baturin Iu.M.* Glasnost in Russia and the USSR: the 1860s and the 1980s // Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? / Ed. and trans. by T. Taranovsky. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 401–406. Автор выделяет пять функциональных аспектов, которые позволяют выявить соположенность гласности в двух периодах: 1. экстремальный уровень бюрократизации; 2. нехватка демократических традиций; 3. наличие кризисной ситуации; 4. сильная и суровая цензура; и 5. отсутствие юридических гарантий и механизмов для правовой защиты в цензурном деле. На мой взгляд, статья написана с целым рядом допущений и без учета исторического контекста, поэтому отличается поверхностным анализом. Укажу, к примеру, на то, что для первого аспекта автор ссылается на работу С.П. Покровского, хотя тот рассуждает о николаевской системе; а для второго совсем не учитывается историческое различие в понимании демократии для XIX и XX веков.

и о многозначности в трактовках советскими гражданами гласности в эпоху перестройки[15].

Гласность как понятие на русской почве оказывается многомерным термином, не ограниченным лишь своеобразным русским аналогом публичности или свободы слова. В середине XIX века гласность можно представить как некий зонтичный термин, в высокой степени зависимый от контекста его высказывания, в связи с чем я предлагаю рассмотреть понимание гласности на разных уровнях социального, обращая внимание на то, как тот запрос, который четко формулируется в среде публицистов (главным образом в неподцензурной печати), встречает попытки сопротивления в цензурной сфере и интериоризируется бюрократией, увидевшей в гласности один из способов реализации насущных реформ — в первую очередь крестьянской.

Запрос. Свобода слова

Основным общественным запросом предреформенного периода можно считать запрос на ослабление цензуры, выразителем и носителем которого могла быть преимущественно эмигрантская публицистика. Так, князь-эмигрант П.В. Долгоруков в «Петербургских очерках» открыто писал о лицемерии Александра II, которому «страстно хочется, чтобы о его либерализме писали, кричали <...>, чтобы в журналах и книгах его расхваливали, а между тем боится гласности и об отменении цензуры слышать не хочет»[16]. Гласность, направленная на критику действий власти, в середине XIX века виделась не простым критиканством, но действенным *средством против злоупотреблений*. Эту действенность разделяла не только эмигрантская публицистика. М.П. Погодин в одном из своих «политических писем»[17] отмечал, что «указание злоупотреблений может послужить пособием власти, которая, принимая оное к сведению, подвергая гласности, сложит тем с себя часть вины, докажет свою благонамеренность, и вместе — твердость»[18]; гласность есть «лекарство на первой случай легкое, удобное и безопасное, общее, специальное»[19]. О гласности как по-

15 *Doucette C.* Glasnost in the Mailroom: The Soviet Subject in Gorbachev's Perestroika, 1985–1988 // The Soviet and Post-Soviet Review. 2021. Vol. 48. Issue 2. P. 171–188. Понятийная связь гласностей двух эпох заслуживает внимания, и пока ее только предстоит осмыслить.

16 *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 116.

17 Это письмо было написано в 1854 году и предназначалось Николаю I, которому Погодин хотел «открыть глаза» на все те затруднения и неустройства, которые царили в то время в России. Погодин попытался доставить эту записку императору в начале 1855 года, с чем обратился к В.Ф. Адлербергу (Об этом см.: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 170–171).

18 *Погодин М.П.* О влиянии внешней политики нашей на внутреннюю // Погодин М.П. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 310.

19 Там же. С. 316. О том же писали братья Аксаковы: К.С. Аксаков — в письме к Александру II: «Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество <...>. Скажу только, что истинные отношения, в которые станет государство к земле, что общественное мнение, которому дается ход, оживя весь организм России, подействует целительно и на эти язвы; в особенности же на взяточничество, для которого так страшна гласность общественного мнения» (См: *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды.

мощнике в борьбе со злоупотреблениями в чиновничьей среде писал и цензор А.В. Никитенко:

> ...многим из нынешних главных начальств не нравится литературное бичевание мерзостей, совершающихся в их ведомствах. Они находят, что это повлечет неуважение к правительству. Гласность и усиление общественного мнения в делах общественных они находят вредным, особенно граф Панин. Но они ошибаются: тут нет ничего общего с уважением или неуважением к правительству. Последнее само тяготится разными административными злоупотреблениями и в гласности и в общественном мнении должно бы видеть самую деятельную помощь против зла, с которым хочет бороться[20].

Немногие из числа политических деятелей середины XIX века удостаивались положительных оценок со стороны русской заграничной печати. А.И. Герцен в «Колоколе», приветствуя отмену крепостного права, писал о справедливости, стоящей за великим князем Константином Николаевичем (как ближайшим соратником Александра II в делах реформ), и давал советы: «...не бойтесь гласности, как бы она ни была резка!» Он отмечал, что вольная печать боролась с крепостным правом, за свободу слова и уничтожение телесных наказаний, с которыми на флоте борется и сам великий князь. «Черед за гласностью!» — заключал Герцен, — то есть за той гласностью, которой обладает заграничная пресса[21]. Для А.И. Герцена общественное мнение должно было стать опорой принятия решений, потому что «[т]ам, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козни передней и интриги алькова»[22]. Брюс Линкольн отмечал, что и сами бюрократы в своей «просвещенной» части видели гласность как форму борьбы с *произволом* и установления принципа *законности*[23].

Весьма примечательным источником, свидетельствующим об общественных настроениях внутри России, можно назвать сборники «Голоса из России», которыми также заведовал А.И. Герцен. В статьях самого первого выпуска, увидевшего свет в 1856 году, когда Россия только начинала «оттаивать» от «нико-

---

М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 251); И.С. Аксаков — в письме 1856 года: «И мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность» (См: *Аксаков И.С.* Письма к родным. М.: Наука, 1994. С. 454).

20 *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 5. Запись от 3 января 1858 года.

21 Колокол. 1861. № 95. С. 797. И в следующем выпуске в статье «Начало русского освобождения» также настаивал на гласности как отсутствии цензуры: «Заключение очевидно: новому комитету <имеется ввиду Главный комитет об устройстве сельского состояния. — *А.Ю.*> надо опереться на совершенную гласность печати, давать на ее суд свои предположения, и из среды гласности, руководствовать лучшим мнением <...>. Отныне только на полной гласности, на полной свободе слова основан успех правительственных предначертаний и русского развития. Пора Государю и Константину Николаевичу понять — как высоко станет правительство, которое, без секретов, без камешка за пазухой, с чистосердечной мыслью явится перед народом и спросит у него, и беззлобно выслушает и примет к сердцу его свободное мнение» (Колокол. 1861. № 96. С. 806–807).

22 Колокол. 1857. № 6. С. 43.

23 *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. P. 183–184.

лаевских морозов», в инициированную Герценом дискуссию активно включались (пусть и анонимно) и публицисты из самой России: это были «первые опыты, еще робкие и непривычные, русские речи о русском общественном деле»[24]. В «Письме к издателю», написанном К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным[25], критиковались в резких выражениях «революционные методы» Герцена, но при этом авторы ратовали за гласность и в этом были солидарны с издателем. Они писали:

> Станем ли мы прислушиваться к общественному мнению, мы услышим одно: требование гласности; станем ли читать более или менее дельные статьи рукописной литературы, мы увидим одно: требование гласности. Теперь же самые факты указывают на нее, как на единственное средство против явного зла. Пусть же правительство попробует этого лекарства[26].

В том же «Колоколе» (№ 2 за 1857 год) мы находим очередное воззвание:

> Будут ли приняты какие нибудь действительные меры к обузданию повсеместного воровства? Неужели правительство серьезно думает, что допуская, да и то с большой робостью, рассказывать анекдоты о становых и исправниках, оно укротит служебных грабителей? <…> К обузданию зла один путь — гласность[27].

Злоупотребление властью (в первую очередь чиновная коррупция) во все времена было насущной проблемой, и уходящая николаевская эпоха не была исключением[28]. К примеру, в течение всего 1855 года, вместе с пристальным вниманием к военным событиям в Крыму, общественность полнилась слухами об отстранении П.А. Клейнмихеля[29]. В октябре 1855 года Д.А. Оболенский запишет слова купца А.В. Кокорева[30], сообщавшего ему: «Целую неделю ходят слухи о прогнании Клейнмихеля, но все еще слухи пока. Не смею радоваться, пока не прочту в приказах, а по прочтении — даю обеды на бедных в течение месяца за здоровье царя»[31]. 26 октября эти слухи подтвердились напечатанием рескрипта, и еще недели вперед, писал Оболенский, в России «продолжают радоваться на падение Клейнмихеля», сочиняя об этом разные

---

24 Голоса из России: Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева / Рук-во изд. акад. М.В. Нечкиной. Факс. изд. Вып. 1. М.: Наука, 1974. С. 6.

25 Там же. Вып. 4. С. 44.

26 Там же. Вып. 1. С. 60.

27 Колокол. 1857. № 2. С. 14.

28 *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 113.

29 Даже авторы-составители Русского биографического словаря очень осторожно, но вполне очевидно указали на всю проблематичность его деятельности: «Главным делом Клейнмихеля за это время <в бытность главноуправляющего. — *А.Ю.*> является сооружение Николаевской железной дороги <…>. Государь живо интересовался ходом постройки и деятельностью Клейнмихеля был очень доволен; но нельзя не признать, что она, при своей аккуратности и быстроте, обходилась чрезвычайно дорого и государству и народу; постройка Николаевской дороги обошлась в 64000000 с лишком, по 107000 руб. на версту дороги» (Русский биографический словарь. Т. 8: Ибак — Ключарев. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1897. С. 732–733). См. также: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 124–126.

30 Имеется в виду Василий Александрович Кокорев — знаменитый русский предприниматель, один из богатейших людей своего времени.

31 *Оболенский Д.А.* Записки князя. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 98.

стишки, «более или менее остроумные»[32]. Однако в российских условиях середины XIX века только заграничная печать могла выступать обличителем злоупотреблений высших чиновников, поэтому запрос на свободу слова был очевиден.

Консенсус. Публичность судов

Другой значимой областью, где проявлялся запрос на гласность, были российские суды. Юрист В.К. Случевский в статье для словаря Брокгауза-Ефрона отводил истории и спорам о гласности в судах значительное место[33]. Начало нового царствования стимулировало появление большого числа записок Государю на самые разные темы, в том числе касательно реформы судов и возможности введения гласности в судоустройство. Одна из таких записок («О внутреннем состоянии России» 1858 года) принадлежит тому же П.В. Долгорукову, который впоследствии будет ратовать за гласность в печати на страницах своих эмигрантских журналов. Он пишет: «Судопроизводство по делам гражданским должно быть гласное и публичное, не только через допущение публики к заседаниям, но и через напечатание, в сенатских ведомостях, описания хода каждого дела»[34]. Долгоруков предвосхитил одно из последствий Судебной реформы, касающееся перевода устной речи в печатную, на которое указывает Стивен Ловелл, говоря об эпохе стенографии[35]. Эту записку читал император, которому подобные просьбы о введении гласности в судах, как отмечает М.Г. Коротких, поступали в различных адресах дворян[36].

Помимо прочих основ предполагаемой реформы судопроизводства, два принципа особенно широко дебатировались — это устность (словесность) и гласность. Словесность должна была (что и произошло впоследствии) заменить письменное ведение судебных разбирательств на устный процесс, включающий в себя сторону обвинения и сторону защиты. Сюда же подключался и вопрос о возможности и необходимости введения в России адвокатуры. Гласность в судах рассматривалась синонимично публичности, чтобы публика имела доступ к судебным процессам. Во второй половине 1850-х вопросы возможностей введения этих двух положений в российских судах обсуждались как среди бюрократии, так и в юридическом сообществе.

Главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Д.Н. Блудов в 1857 году составил записку для Александра II. В ней гласность выступала преждевременной мерой, к которой не были готовы ни судьи, ни общество[37]. С этой точкой зрения тогда согласился и император, оставив помету: «Совершенно разделяю Ваше мнение что мы

32 Там же. С. 102.
33 ЭСБЕ. Т. VIIIa: Германия — Го. СПб., 1893. С. 820–823.
34 ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 50. Л. 20–20 об.
35 *Lovell S.* Op. cit.
36 *Коротких М.Г.* 1) Борьба в правительственных кругах по поводу принципов судебной реформы в России (1857–1859 гг.) // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. С. 9; 2) Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. С. 87.
37 ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 292. Л. 3 об.–4.

еще недовольно зрелы для введения у нас гласности и адвокатов»[38]. Дебатировали относительно устности и гласности С.И. Зарудный и князь Д.А. Оболенский[39]. Последний не соглашался с позицией Зарудного о неготовности русского народа, его необразованности и юридическом невежестве и настаивал на первичности гласности как основы для преодоления всех этих «недостатков»: «Уважение к закону и презрение к произволу приобретаются только посредством гласности. Пусть укажет мне кто нибудь другое средство? Его нет!»[40]

Основания для реформы судов обсуждались также открыто и на страницах периодических изданий[41]. Так, рассуждения «Об устности и гласности уголовного судопроизводства» известного правоведа С.И. Баршева с аргументами в пользу их введения не только вызвали ответную критику на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», но и послужили причиной возбуждения цензурных ограничений с последующим высочайшим повелением «о недозволении впредь подобных статей»[42]. Баршев настаивал, что гласности суда «может желать и сам подсудимый, имеет право требовать и общество», она нужна как гарантия справедливости, для повышения доверия к суду и распространения понятий о праве и законах[43].

Гласного (публичного) судопроизводства придерживался в преддверии Судебной реформы великий князь Константин Николаевич, отправленный наместником в Варшаву летом 1862 года. На следующий же день после приезда на великого князя было совершено покушение, а позднее и на его соратника маркиза Александра Велепольского — главу гражданской администрации Царства Польского. Вопреки возможности использовать военно-полевые суды при введенном в Польше военном положении[44], Константин Николаевич допустил (испросив разрешения императора) использование публичного суда, посчитав его демонстрацией законности русской власти в Польше, открытости правительства по вопросам пресечения антиправительственных акций[45]. Однако намерение великого князя привлечь тем самым общественность на свою сторону

38 Там же. Л. 1.

39 Подробнее об их полемике и последующем изменении мнения самого С.И. Зарудного см.: *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России... С. 14–18.

40 ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 293. Л. 25 об.

41 В своей недавней монографии Т.Ю. Борисова посвятила обсуждению Судебной реформы 1864 года целую главу, однако в центре ее внимания оказались в большей степени дебаты о присяжных и выстраивании ограничений для публики, допущенной в новые суды (см.: *Борисова Т.Ю.* Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 292–373).

42 Цит. по: *Днепров Э.Д.* «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861. Т. 4. / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1965. С. 252.

43 *Баршев С.И.* Об устности и гласности уголовного судопроизводства // Русский вестник. 1857. Т. 10. № 7–8. С. 206.

44 Военное положение было введено в Царстве еще в октябре 1861 года. О предыстории и причинах его введения см.: Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. С. 350–374.

45 *Шевырев А.П.* Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин и Польское восстание 1863 г. // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 216–217.

не оправдались. Осенью того же года во время этих процессов он с досадой писал А.В. Головнину: «Меня удивило что у Вас не обратили особенного внимания на факт наших первых публичных процессов. Я всегда горой стоял за публичность, первый привел ее в действие, и купил право на это моею кровью»[46]. Головнин же отвечал своему патрону, успокаивая, что польское судопроизводство произвело в России «большое впечатление в кругу молодых юристов», а сочувствию в печати мешает цензура[47]. Вне зависимости от степени лукавства Головнина принципы гласности были заложены в положения Судебной реформы 1864 года и привели к возникновению в России целого класса публичных юристов, причем по обе стороны состязательного процесса: таких адвокатов, как А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, не менее популярного прокурора А.Ф. Кони и ряда других.

Сопротивление. Цензура

Цензура и контроль за прессой были одной из значимых проблем для Александра II. Как отмечает В.Г. Чернуха, в 1850-е годы возникает особая форма так называемых «обозрений» о печати, подаваемых императору[48]. Они прилагались в виде отдельной записки в отчеты III Отделения СЕИВК. А.Ю. Абакумов указывает, что в 1858 году в отчете и записке особенное внимание уделялось заграничной прессе, поскольку впервые было признано ее влияние на русское общественное мнение[49]. Цензура в тот период находилась в ведении Министерства народного просвещения, которым руководил Е.П. Ковалевский. В марте 1859 года он подал в Совет министров записку «О гласности в печати», которая легла затем в основание циркуляра от 3 апреля 1859 года, разосланного редакторам всех журналов. Исходя из этого циркуляра, правительство находило полезным оглашение в печати сведений о беспорядках и злоупотреблениях при недопущении, однако, сомнений в самодержавии и государственном устройстве вообще[50]. Правительство пыталось разработать гласные формы взаимодействия с литературной общественностью. Для противодействия многочисленным нападкам со стороны «Колокола» в 1859 году был организован особый Комитет по делам книгопечатания, вне подчинения министерства народного просвещения, который должен был сподвигнуть журналистов к обсуждению вопросов «с точки зрения правительства»[51]. Первоначально секрет-

46 Цит. по: Там же. С. 215. В статье не совсем верно указан лист дела, корректно будет: ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 55. Л. 5 об.

47 Цит. по: Там же. С. 217.

48 *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 25–26.

49 *Абакумов О.Ю.* «Положить окончательный предел журнальному волнению» (III отделение и надзор за печатью 1857–1862 гг.) // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Выпуск 7 / Отв. ред. М.Б. Конашев. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. С. 148.

50 *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. М.: Книга, 1974. С. 76.

51 См: *Ruud Ch.A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto: University of Toronto Press, 2009. P. 109–110. Рууд указывает, что этот комитет создавался по аналогии с уже имеющимися в Европе подобными управлениями — *Bureau de l'ésprit publique* во Франции и подобным ему Центральным управлением по делам книгопечатания при Министерстве внутренних дел в Пруссии.

ный комитет был довольно быстро сделан публичным[52]. В итоге этот подход оказался неэффективным, в том числе из-за противодействия того же Е.П. Ковалевского[53]. Еще одно промежуточное звено в этих поисках заняло особое управление во главе с М.А. Корфом, просуществовавшее и вовсе только 6 недель, окончившееся отставкой Корфа и реорганизацией в январе 1860 года Главного управления цензуры, перед которым, опять же, была поставлена задача, как пишет Ю.И. Герасимова, «добиться более эффективных контактов с либеральной печатью, готовой сотрудничать с правительством»[54]. Все эти попытки свидетельствуют о желании правительства соответствовать и следовать «духу времени».

Член реорганизованного цензурного управления О.А. Пржецлавский в 1860 году написал записку «О гласности в русской журнальной литературе», в которой выделил и подверг критике три формы гласности по сферам ее применения[55]. Он не случайно приводил французский аналог слова гласность (*publicité*), понимая под этим следующее: «передача ко всеобщему сведению, посредством печати, частных суждений о всяких предметах, равно известий о случающихся событиях всякого рода»[56]. Пржецлавский последовательно разбирал три сферы, где гласность могла себя проявлять: 1) относительно действий власти; 2) относительно действий судов; 3) относительно частных лиц. Он отмечал, что гласность может быть движима «разумными основаниями», но притом важно, чтобы она «находилась всегда в неразрывной связи и соответственности с началами и формами Государственного и общественного устройства»[57].

---

52 Краткое изложение короткой жизни этого комитета см.: Ibid. P. 110–111.

53 Рууд отмечает, ссылаясь на А.В. Никитенко, что Ковалевский считал, что цензура должна оставаться в руках Министерства просвещения, потому что в противном случае это будет иметь репрессивные последствия для литературы (Ibid. P. 112). Совершенно противоположной позиции будет придерживаться А.В. Головнин, сменивший (через недолгое управление министерством Е.В. Путятиным) Ковалевского на посту министра. Головнин сразу же постарался избавиться от цензуры в своем министерстве. Однако же в мемуарах О.А. Пржецлавского сказано обратное, что «Е.П. Ковалевский находил нецелесообразным, что цензура состояла при Министерстве просвещения; он разделял взгляд на цензуру как на полицию» и считал, что ее нужно передать Министерству внутренних дел или III Отделению (Пржецлавский О.А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подготовка текста воспоминаний О.А. Пржецлавского и коммент. А.И. Федуты; пер. с пол. Ю.В. Чайникова. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 330). И сам Головнин отмечал в мемуарах, что «видел безуспешные старания <избавиться от цензуры> своих предшественников: графа Уварова, Ковалевского и Путятина (*Головнин А.В.* Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 232–233).

54 *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати… С. 80–83. См. также: *Ruud Ch.A.* Fighting Words… P. 112–113. Более подробно про взгляды Корфа и историю несостоявшегося Министерства цензуры см.: *Зубков К.Ю.* Просвещать и карать: Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 123–136.

55 Содержание этой записки подробно рассматривает американский историк Брюс Линкольн в своей статье, но ставит другие акценты. См.: *Lincoln W.B.* The Problem of Glasnost' in Mid-Nineteenth Century Russian Politics // European Studies Review. 1981. Vol. 11. Issue 2. P. 171–188.

56 РГИА. Ф. 722. Оп. 1. Д. 5129. Л. 1.

57 Там же. Л. 4.

Пржецлавский, раскрывая невозможность гласности в России, пояснял, что гласность, которой пользуется общественность в Англии, где существует парламентская форма правления, совершенно не подходит для самодержавной власти в России. Одного того, что в Англии власть министров, на которых обрушивается гласное порицание, «проистекает из воли народа», а в России «источником всякой власти <является> Монарх», и министры назначаются им, достаточно, чтобы министры никоим образом не обязаны были держать ответ перед обществом[58]. Для Пржецлавского центральной идеей было согласие между государственными началами и родом гласности: «...в каждом отдельном Государстве гласность может быть лишь своего рода и нельзя требовать, чтобы гласность одной страны могла вполне и безусловно вводима быть в какой нибудь другой»[59]. Для автора записки тем не менее гласность в России могла быть, но только «законная и позволительная»: распространение полезных знаний, легкая словесность и поэзия, которые «обещают несомненную пользу и к развитию умственности и к образованию вкуса»[60]. Саму журнальную литературу, которую он на протяжении всей записки обозначает как «обличительную», предлагается заменить подобного рода статьями в ведомственных журналах, так что первая «исчезла бы тогда сама собою <...> по самому неравенству конкуренции с оффицияльными авторитетами»[61]. А.В. Никитенко, коллега Пржецлавского по цензурной части, назвал его мнение «неблагородным и неумным»[62]. Тем не менее для правительства в самом широком смысле было очевидно, что в современных условиях гласность становится необходимым инструментом в управлении. При этом их понимание гласности отнюдь не совпадало с тем запросом, который формулировала вольная русская печать и публицисты внутри России.

Реконфигурация. Реформа

Разговоры и даже требования гласности раздавались со всех сторон, так что правительству, видевшему плачевные следствия отжившей свое николаевской системы, обнажившиеся в Крымскую войну, приходилось меняться в новых условиях. Но началась ли гласность вместе с оттепелью середины 1850-х годов? Брюс Линкольн отмечал попытки «просвещенных» бюрократов еще с 1840-х годов расширить границы гласности, не замыкая обсуждение необходимых реформ в узких бюрократических кругах[63]. Особую роль в заложении этого принципа разработки реформ играли так называемые «константиновцы», особенно активно проявившие себя в 1850-х годах в Морском министерстве, а после распространившие свое видение на реформы общероссийского масштаба, в первую очередь на отмену крепостного права. В административном смысле бюрократия, в ее «просвещенной» части, взяла на вооружение принцип гласности еще в самом начале десятилетия. В 1850 году Николай I поручил своему вто-

58 Там же. Л. 9–9 об.
59 Там же. Л. 5.
60 Там же. Л. 29–29 об.
61 Там же. Л. 33 об.–34.
62 *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 108.
63 *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform... P. 134–135.

рому сыну великому князю Константину разработать проект нового Морского устава, работа над которым продолжалась до 1853 года. Именно на этом локальном уровне, в рамках одного ведомства, впервые был апробирован новый принцип *бюрократической гласности*. Формулировка этого принципа принадлежит ближайшему сотруднику и наставнику великого князя А.В. Головнину, сыну известного мореплавателя В.М. Головнина. В кратком очерке 1858 года Головнин сформулировал те основания, которых придерживались в Морском министерстве при разработке Устава:

> ...дабы закон был хорош, необходимо подвергнуть предварительно проект оного многостороннему обсуждения; что необходимо для законодательных работ создать так сказать *искусственную гласность* и усиленно вызывать полемику и борьбу разных мнений всего сословия для которого закон пишется, не довольствуясь прениями в тесном круге Членов Комитета[64].

С бюрократической точки зрения, как формулировал в записке Головнин, такой подход имел «ту большую выгоду, что критиковался не закон утвержденный Верховною властью, как часто бывает в других случаях, но проект, составленный частными лицами», а сам принятый закон становился выражением общественного мнения[65]. Как отмечает А.П. Шевырев, специально изучивший реформы в Морском ведомстве, этот опыт лег в основу и дальнейших законодательных работ[66].

В 1850-е годы главным выразителем новых принципов Морского ведомства служил журнал «Морской сборник», превращенный усилиями того же Головнина в рупор их «нового курса». На страницах журнала обсуждались не только узковедомственные морские вопросы, но и важные общественно-политические темы[67]. Уже здесь можно заметить специфику гласности, лежащей в основании бюрократического ее понимания: она не была в полной мере свободой слова и возможностью критики, но предполагала некоторое осторожное приглашение к участию. Это участие затем позволяло обосновать принятое решение ссылкой на «общественное мнение». Многие из тех, кто был приглашен великим князем (а скорее Головниным) в Морское министерство, впоследствии принимали участие в разработке и проведении Великих реформ, в частности отмены крепостного права. Гласный этап решения крестьянского вопроса начался далеко не сразу. Как отмечает М.Д. Долбилов, Александр II в публичных выступлениях всегда был очень аккуратным в подборе слов[68], хотя царские слова не единожды подвергались различным толкованиям (чем, кажется, пользовались все стороны в ходе крестьянской реформы). Началом приступа к решению крестьянского вопроса считается московская речь царя перед дворянами 30 марта 1856 года, в которой прозвучали знаменитые слова: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». В среде дворянства после этой речи, разошедшейся в разных версиях, возникли многочис-

64 РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 193 об.–194.
65 Там же. Л. 194.
66 *Шевырев А.П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Издательство МГУ, 1990. С. 25.
67 *Днепров Э.Д.* Указ. соч.
68 *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 5–48.

ленные интерпретации[69]. Не сказав прямо о своем желании решить крестьянский вопрос, император публично выразил *ожидания*, что этот вопрос когда-нибудь должен быть решен и что дворянство с ним «одного мнения»[70].

Идея гласного обсуждения реформы в печати была общим местом в рядах реформаторов. Н.А. Милютин в записке 1856 года предлагал использовать печать в качестве площадки для обсуждения реформ «под непосредственным надзором правительства, в специальных изданиях», то есть ведомственных журналах Министерств внутренних дел, государственных имуществ и народного просвещения[71]. Той же идеей руководствовался А.В. Головнин, направивший летом 1857 года свои размышления председателю Секретного комитета князю А.Ф. Орлову. Головнин, рассказывая о своей неудачной попытке освободить собственных крестьян в рязанском имении Гулынки, пишет:

> …разнеслись по деревням слухи, что все крепостные крестьяне получат в скором времени вольность. Крестьяне <…> постоянно толковали об этом, причем некоторые радовались, но другие весьма сожалели, толкуя, что получив однажды вольность, они уже никогда не будут получать от помещиков тех пособий, которые теперь получают. <…> Все эти толки не произвели, однако, никаких беспорядков и не внушили гулынским крестьянам желание вытти из под власти помещика. Не доказывает ли это, что крайне преувеличены опасения последствий, которые произойдут от печатания в официальных журналах наших статей о способах освобождения крестьян из крепостного права? Подобные статьи много бы разъяснили Правительству и самим помещикам темных сторон дела, а не произвели бы бунтов и восстаний. Посему, чтоб облегчить разрешение вопроса о крепостном праве и чтоб собрать необходимые для этого материалы, которых надобно иметь весьма много по разнообразию местных условий и обстоятельств, не следует ли вызывать подобные статьи и приглашать доставлять оные в Редакции помянутых журналов?

В качестве журналов Головнин указывал Журнал Министерства внутренних дел, Записки Вольного экономического общества «и т.п., которые читаются только людьми дельными и не расходятся между нижними сословиями»[72]. Как отмечает Е.Л. Стаферова, Головнин «немало сделал для того, чтобы деятельность Секретного комитета перестала быть секретной», в частности, предложил П.А. Валуеву опубликовать ряд статей по крестьянскому вопросу в бельгийской газете «Le Nord»[73]. Он послал Валуеву экземпляр сочинений об освобождении крестьян в Германии, который, как он пишет в письме, «составлен Дрезденским ученым Безиком по поручению Самарина и моему». Валуеву нужно было написать несколько статей по реформам в Остзейском крае, что было бы полезно «не только членам <Секретного. — *А.Ю.*> Комитета, но и вообще помещикам (разумеется, самым образованным) и разным служащим в Петербурге

---

69 О разных редакциях речи и толках вокруг нее см.: *Попельницкий А.З.* Речь Александра II, сказанная 30-го марта 1856 г. московским предводителям дворянства // Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 392–397.

70 Там же. С. 393.

71 *Шестопалов А.П.* Николай Алексеевич Милютин // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 62.

72 ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 299.

73 *Стаферова Е.Л.* А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 61.

лицам»[74]. В следующем письме Головнин, получив согласие Валуева, раскрывает задачу и указывает, что «писать об этом по-русски не дозволяет цензура, и притом в “Le Nord” наши государственные люди скорее прочтут всякую статью и (!!) с большим к ней уважением»[75].

Газета была выбрана не только за ее популярность — она была «официозом» русского правительства, призванная «путем помещения инспирированных материалов воздействовать на западноевропейское и отчасти русское общественное мнение», так как газета имела хождение и в России[76]. Воздействие на соотечественников было особенно важно в контексте разъяснительной политики Министерства внутренних дел. Министр С.С. Ланской в декабре 1855 года рассылал губернаторам письма с просьбой содействовать подписке на газету в среде дворянства, хотя заявленная в письме цель «знакомить Европу с действительным положением России»[77] затушевывает идею распространения правительственных идей среди собственного дворянства. Использование «Le Nord» в качестве еще одной площадки распространения правительственных идей об освобождении крестьян не выглядит неожиданностью.

Важность использования гласности понимали и на местах. Генерал-губернатор Западных губерний В.И. Назимов писал с предложением к Ланскому, что было бы полезно помещать в местные губернские журналы статьи из «Le Nord», чтобы «распространить между ними <помещиками> идеи, могущие способствовать развитию и приспособлению оснований на коих должны быть ныне составлены новые положения о помещичьих крестьянах»[78]. Назимов жаловался Ланскому на сопротивление цензуры, действующей по-старому. Осторожный же Ланской ответным письмом предупреждал, что статьи из «Le Nord» не могут быть приняты в руководство, так как не подвергаются русской цензуре, и советовал если и использовать статьи оттуда, то только переведенные и опубликованные в русских изданиях (то есть прошедшие цензуру)[79].

Особенно примечательными выглядят записки калужского губернатора Д.Н. Толстого[80], который еще до рескрипта писал о толках, расходящихся между помещиками и крестьянами, акцентируя внимание на том, что «крестьяне наши не лишены юридического понятия о справедливости, которое выработалось в них, конечно, не наукою, но долговременными действиями гражданских отношений и тем врожденным здравым смыслом, которым природа столь обильно наделила народ Русский». Это пояснение должно было доказать неосновательность беспокойств правительства о возможных беспорядках, которые начнутся при перемене их положения. Заключает Толстой еще более прямо: «…настоящий вопрос требует настоятельно той гласности и тех открытых в страницах Журнала министерства внутренних дел рассуждений, которые Правительство признает в этом случае возможными»[81]. В еще одной записке,

74 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 528. Л. 6–6 об.
75 Там же. Л. 7–7об.
76 *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 38.
77 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1933. Л. 1–1об.
78 РГИА. Ф. 1291. Оп. 36 1857. Д. 20. Л. 32–32 об.
79 Там же. Л. 34–35 об.
80 О примечательной биографии Д.Н. Толстого см.: *Барыкина И.Е.* Граф Д.Н. Толстой: биография «обыкновенного человека» // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (2). С. 205–214.
81 РГИА. Ф. 1291. Оп. 36 1857. Д. 1. Л. 4.

написанной приблизительно в то же время, он вновь настаивал на внесении определенности:

> ...если действительно вопрос о крепостном состоянии находится в рассмотрении Правительства, то, по моему мнению, его должно сделать гласным в той мере, в какой это возможно, чтобы предоставить Губернскому Начальству возможность следить за толками по этому предмету и давать им правильное направление, в противном случае запретить всякие об этом рассуждения, объявив, что все эти слухи совершенно ложны[82].

Гласность, с точки зрения Толстого, давала возможность лучшего контроля над обсуждениями на местах и вместе с тем возможность направления толков в необходимую правительству сторону.

Сам С.С. Ланской предполагал использовать в разъяснительных целях журнал Министерства внутренних дел, предоставив в Главный комитет статью, поясняющую, что

> весьма полезно было бы помещать в одном из Министерских журналов не от имени Правительства, но под непосредственным его руководством статьи, могущие постепенно знакомить публику с будущим новым распорядком вещей и отвечать на те жалобы помещиков и на те вопросы, которые будут заслуживать особенного внимания. На статьи сии, всегда писанные от имени частных лиц, можно допускать возражения, а на возражения критику и антикритику, — но все в размере и направлении соответственных видам Правительства[83], —

но встретил сопротивление. Главный комитет остался на позиции использования чисто бюрократических способов донесения решений и видов правительства, а изложенные в статье полезные объяснения «не должны быть сообщаемы публике от имени частного лица, но должны быть сообщены от имени Правительства, и притом в форме акта Правительственного»[84].

Министерство внутренних дел в течение всего периода подготовки реформы пыталось перенастроить основания этих новых гласных взаимоотношений правительства и общества (в лице в первую очередь дворян). Понимание правительством гласности, ее возможностей и пределов совершенно не коррелирует со свободой слова и способом борьбы со злоупотреблениями. Ланской, подвергая сомнению действующие цензурные установки на обсуждение эмансипационного вопроса в печати, пишет в записке:

> Правительство, *расширяя постепенно пределы гласности* в своих официальных трудах и в мнениях как Губернских Комитетов, так и отдельных Членов оных дошло до убеждения, что путь, по которому оно следовало в деле уничтожения крепостной зависимости, путь *гласного* выражения своих намерений и свободного выражения мнений со стороны людей, *призванных к этому делу*, более всего обеспечивает и успех дела и сохранение тишины в народе[85].

Предполагаемая свобода выражения здесь подразумевается только для тех, кто был изначально включен в процесс принятия решений, а никак не всего

82 Там же. Л. 8–8 об.
83 Там же. Л. 2–2 об.
84 РГИА. Ф. 1291. Оп. 36 1857. Д. 20. Л. 2–2 об.
85 РГИА. Ф. 1291. Оп. 36 1857. Д. 20. Л. 109 об.–110. Курсив мой. — *А.Ю.*

общества. Вместе с тем Ланской демонстрирует тот успех, который проявился в ходе дела, когда ему была придана настоящая гласность. Фактически правительство вынудило дворянство принять участие в разработке и обсуждении крестьянской реформы, образовывая Губернские комитеты. В то же время, несмотря на всю открытость, правительство усиленно контролировало ход дискуссий в журналах и прекращало обсуждение, если оно выходило за сформулированные самими же бюрократами рамки[86].

В деле отмены крепостного права правительство пошло тем же путем, каким шли молодые реформаторы в рамках административных реформ Морского ведомства, — включением в процесс разработки проектов заинтересованных лиц (дворянства) и контролируемой гласности обсуждений, так что в итоге Положение, вышедшее из-под пера Редакционных комиссий, формально получило обоснование тем самым «общественным мнением». В августе 1859 года министр Ланской подал государю записку (вероятнее всего, как и многие другие, написанную Н.А. Милютиным) «Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время», где раскрыл три существующих мнения дворян в Губернских комитетах: 1) несочувственных к делу освобождения, «побуждаемых к тому личными материальными выгодами»; 2) направление «сословного интереса», то есть желающих создать «дворянскую поземельную аристократию» и 3) принадлежащее «желающим полного уничтожения крепостного состояния»[87], не большинству русского дворянства, но значительной его части. В записке отмечалось, что

> …<м>ежду лицами, которые придерживаются первых двух мнений, стало обнаруживаться в последнее время желание вызвать какое-либо явное проявление того, *что они называют* общественным мнением, дабы изменить направление Правительства, которое ищет соглашения взаимных выгод двух сословий, а не одностороннего разрешения вопроса в интересах одного из них[88].

Здесь примечательно то, каким образом в Министерстве понимается настоящее общественное мнение, не заключенное в сословных интересах дворянства, а имеющее скорее надсословную специфику. Отстаивание такой позиции последовало и в работе Редакционных комиссий, в особенности со стороны Н.А. Милютина, как-то заявившего, что «никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа»[89].

Обида на отсутствие настоящей гласности работы губернских комитетов и такое обхождение с дворянскими депутатами со стороны Редакционных комиссий выливалась, за неимением другой возможности, на страницы герценовского «Колокола». В мартовском номере за 1860-й год была опубликована статья о работах тверского комитета, который прежде всего известен своим

---

86 См.: *Герасимова Ю.И.* Отношение правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса в период революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1974. С. 81–105.

87 РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 56. Л. 9–15.

88 Там же. Л. 14 об. Курсив мой. — *А.Ю.*

89 Цит. по: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002. С. 137.

«либеральным большинством» и деятельностью А.М. Унковского. Автор, обращаясь «к посредству вашего журнала как единственного русского органа истинной гласности», описывал произвол «министров-бюрократов». Помимо изложенной версии событий, последовавших за первым призывом и работой тверского комитета в декабре 1859 года, интересно следующее замечание: «Хотя у нас в России и существует гласность, но гласность *благонамеренная*, изобретенная Ковалевским и Ко. собственно для обморочения Европы»[90]. Как оказывается, не только Европы.

* * *

Для короткого, но чрезвычайно важного в контексте развития Российской империи периода 1850–60-х годов гласность становится одним из наиболее значимых понятий. Пристальное внимание к его использованию демонстрирует крайнюю неоднородность. Многозначность гласности, неустойчивость ее определения, которому я уделяю большое внимание в этой статье, хорошо описывается в терминах дискурс-аналитики Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Их идея о том, что «социальное явление никогда не бывает законченным или полным»[91], оказывается важным для понимания гласности в середине XIX века, где разные социальные группы и разные контексты высказывания переопределяют гласность. Внутри социума происходит *борьба за значение* этого понятия. Лакло и Муфф предлагают смотреть на задачу дискурс-аналитики как на попытку «выявить ход этой борьбы и зафиксировать значения на всех уровнях социального», хотя сама фиксация исследователями таких значений как неизбежна, так и всегда неуспешна[92].

Обращение к понятию гласности в эту эпоху демонстрирует постоянное смещение этого понимания в зависимости от позиций высказывающихся. Запрос на гласность прежде всего соотносится с требованием свободы слова, чья задача — борьба со злоупотреблениями власти; в то же время с цензурных позиций гласность определяется как понятие, чуждое политической системе России. Консенсус между запросом и практикой находится в сфере переустройства судов, где гласность очерчивается доступом к судебным заседаниям и публичностью судопроизводства. Реформы, прежде всего отмена крепостного права, потребовали включения общества (в лице дворян) в процесс выработки решения, а потому бюрократия, пользуясь успешным опытом Морского министерства, реконфигурировала гласность в некоторый принцип этих новых отношений, по сути создав ограниченную публичную сферу для обсуждения крестьянского вопроса. Гласность в понимании бюрократии была инструментом преобразования — открытостью правительства к демонстрации своих намерений, разъяснительной политикой и включением ограниченного числа участников в сам процесс. Функция гласности в крестьянской реформе состо-

90 Колокол. 1860. № 65–66. С. 544.

91 *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. С. 53.

92 «...Мы постоянно пытаемся зафиксировать значения других социальных действий — хотя эта попытка никогда не бывает успешной. Поэтому все социальные практики можно рассматривать как артикуляции, так как они воспроизводят или изменят принятые в обществе значения» (Там же. С. 72).

яла в том, чтобы итоговое решение получило одобрение «общественным мнением» (которое активно направлялось правительством), для чего и понадобилось участие дворянства.

Здесь же можно говорить о существовании особой *бюрократической* или *«официальной» гласности*, разделяемой «просвещенными» бюрократами и поддержанной Александром II. Ее применение в деле крестьянской реформы кажется очевидной технологией, нацеленной на проведение реформы согласно видам правительства, о чем нужно, безусловно, писать отдельно.

Таким образом, *гласность как свобода слова*, фиксируемая в запросе, подразумевает субъектность общественного мнения; власть опирается на общественное мнение, реализуемое посредством свободы слова / гласности. *Гласность у бюрократии* подразумевает включение общественного мнения в качестве вспомогательной части разработки законов; общественное мнение становится объектом формирования, причем сразу в двух смыслах: общественное мнение формируется как объект (бюрократия устанавливает, что есть общество и какое мнение является именно «общественным мнением») и общественное мнение формируется как собственно *мнение* (бюрократия направляет общество к необходимым ей идеям). Для бюрократии общество (кого бы в него ни включали) — всегда *слабая публика*[93]. К середине XIX века «просвещенным» бюрократам становится понятно, что общественное мнение нужно учитывать и включать в систему принятия решений, но на правительственных условиях. Для самого же «общества» желаемый сценарий реализации общественного мнения посредством свободы слова / гласности придает ему субъектность, общество желает быть *сильной публикой*, с которой считаются те, кто принимают решения. Это грубое различение, на мой взгляд, оказывается невероятно важным, чтобы вообще обращаться к понятию гласности.

Сам же этот разрыв между запросом на гласность и бюрократическим «ответом» очень точно подметил Н.Г. Чернышевский. В «Письмах без адреса», критикуя деятельность Редакционных комиссий, он писал, что «так называемая гласность» — это «бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения “свобода слова”», приводя в пример гласность в крестьянской реформе[94]. Он не включился в эту «борьбу» за понимание гласности, но понял, что это слово-фикция, слово-заменитель, которым бюрократы подменяют свободу слова, за которую-то и нужно бороться. И тогда оказывается, что обман заключался не в том, что бюрократы подменили своей нехорошей гласностью — нашу, общественную, хорошую и правильную, а в том, что сама гласность и есть обман.

В этой связи проблематичным становится сам поиск «моментов гласности» в русской истории в контексте определения возможности и границ суще-

---

93 Различение «сильной» и «слабой» публик предложила, развивая идеи Ю. Хабермаса, Нэнси Фрейзер. «Сильной» публикой обозначается та, которая способна оказывать влияние на принимаемые решения непосредственно, а «слабой» — та, которая имеет доступ к каналам донесения своего видения, но остающаяся вне самого механизма принятия решений. См.: *Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т.* Указ. соч. С. 73–74.

94 *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1951. С. 107. «Письма» предназначались к публикации в «Современнике» к первой годовщине Манифеста 19 февраля, однако не были пропущены цензурой. Первая публикация — 1874 год, за границей (См.: Там же. С. 1015).

ствования публичной сферы в России. Если мы как исследователи будем искать «моменты гласности», то мы попадем в ту же ловушку, в которую попали дворяне и все общество в период подготовки крестьянской реформы, — наша борьба за значение подменит собой борьбу за возможность полноценного участия и обретения настоящей субъектности.

Библиография / References

Абакумов О.Ю. «Положить окончательный предел журнальному волнению» (III отделение и надзор за печатью 1857–1862 гг.) // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Выпуск 7 / Отв. ред. М.Б. Конашев. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. С. 147–163.

(*Abakumov O.Yu.* «Polozhit' okonchatel'nyy predel zhurnal'nomu volneniyu» (III otdelenie i nadzor za pechat'yu 1857–1862 gg.) // Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 7. Saint Petersburg, 2015. P. 147–163.)

Абакумов О.Ю. Третье Отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017.

(*Abakumov O.Yu.* Tret'e Otdelenie na strazhe nravstvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom. 1826–1866 gg. Moscow, 2017.)

Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–81.

(*Atnashev T., Velizhev M., Vayzer T.* Dvesti let opyta. Ot burzhuaznoy publichnoy sfery k rossiyskim rezhimam publichnosti // Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii. Moscow, 2021. P. 5–81.)

Барыкина И.Е. Граф Д.Н. Толстой: биография «обыкновенного человека» // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (2). С. 205–214.

(*Barykina I.E. Graf D.N.* Tolstoy: biografiya «obyknovennogo cheloveka» // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4 (2). P. 205–214.)

Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023.

(*Bibikov G.N.* Zhandarmskiy nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy imperii (1826–1856 gg.). Moscow, 2023.)

Борисова Т.Ю. Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

(*Borisova T.Yu.* Kogda velit sovest': Kul'turnye istoki Sudebnoy reformy 1864 goda v Rossii. Moscow, 2025.)

Герасимова Ю.И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. М.: Книга, 1974.

(*Gerasimova Yu.I.* Iz istorii russkoy pechati v period revolyutsionnoy situatsii kontsa 1850-kh — nachala 1860-kh gg. Moscow, 1974.)

Герасимова Ю.И. Отношение правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса в период революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1974. С. 81–105.

(*Gerasimova Yu.I.* Otnoshenie pravitel'stva k uchastiyu pechati v obsuzhdenii krest'yanskogo voprosa v period revolyutsionnoy situatsii kontsa 50-kh — nachala 60-kh godov XIX v. // Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg. Moscow, 1974. P. 81–105.)

Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО–XXI, 2013.

(*Grosul V.Ya.* Obshchestvennoe mnenie v Rossii XIX veka. Moscow, 2013.)

Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861. Т. 4. / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1965. С. 229–258.

(*Dneprov E.D.* «Morskoy sbornik» v obshchestvennom dvizhenii perioda pervoy revolyutsionnoy situatsii v Rossii // Revolyutsionnaya situatsiya

v Rossii v 1859–1861. Vol. 4. Moscow, 1965. P. 229–258.)

Долбилов М.Д. Рождение императорских решений: монарх, советник и «высойчайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 5–48.

(*Dolbilov M.D.* Rozhdenie imperatorskikh resheniy: monarkh, sovetnik i «vysoychayshaya volya» v Rossii XIX v. // Istoricheskie zapiski. 2006. № 9 (127). P. 5–48.)

Зубков К.Ю. Просвещать и карать: Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

(*Zubkov K.Yu.* Prosveshchat' i karat': Funktsii tsenzury v Rossiyskoy imperii serediny XIX veka. Moscow, 2023.)

Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

(*Jorgensen M., Phillips L*. Discourse Analysis as Theory and Method. Kharkiv, 2008 — in Russ.)

Коротких М.Г. Борьба в правительственных кругах по поводу принципов судебной реформы в России (1857–1859 гг.) // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987.

(*Korotkikh M.G.* Bor'ba v pravitel'stvennykh krugakh po povodu printsipov sudebnoy reformy v Rossii (1857–1859 gg.) // Gosudarstvennyy stroy i politiko-pravovye idei Rossii vtoroy poloviny XIX stoletiya. Voronezh, 1987.)

Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989.

(*Korotkikh M.G.* Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii. Voronezh, 1989.)

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2016.

(Mezh dvukh vosstaniy. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v. Moscow, 2016.)

Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.

(*Staferova E.L.* A.V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860 gg.). Moscow, 2007.)

Фреде В. Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I / Пер. с англ. Г. Бесединой // Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 113–149.

(*Frede V.* Obshchestvennoe mnenie, ego oblik sverkhu: Neglasnyy komitet Aleksandra I // Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii. Moscow, 2021. P. 113–149.)

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002.

(*Khristoforov I.A.* «Aristokraticheskaya» oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850 — seredina 1870-kh gg.). Moscow, 2002.)

Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука, 1989.

(*Chernukha V.G.* Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati, 60–70-e gody XIX veka. Leningrad, 1989.)

Шевырев А.П. Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин и Польское восстание 1863 г. // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 210–227.

(*Shevyrev A.P.* Mezhdu Varshavoy i Peterburgom: velikiy knyaz' Konstantin Nikolaevich, A.V. Golovnin i Pol'skoe vosstanie 1863 g. // Pol'skoe Yanvarskoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi. Moscow, 2014. P. 210–227.)

Шевырев А.П. Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 46–59.

(*Shevyrev A.P.* Ottepel' 1855–1857 gg.: ot nikolaevskogo vremeni k epokhe Velikikh reform // Rossiyskaya istoriya. 2022. № 4. P. 46–59.)

Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Издательство МГУ, 1990.

(*Shevyrev A.P.* Russkiy flot posle Krymskoy voyny: liberal'naya byurokratiya i morskie reformy. Moscow, 1990.)

Шестопалов А.П. Николай Алексеевич Милютин // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 57–68.

(*Shestopalov A.P.* Nikolay Alekseevich Milyutin // Voprosy istorii. 2004. № 12. P. 57–68.)

Baturin Iu.M. Glasnont in Russia and the USSR: the 1860s and the 1980s // Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? / Ed. and trans. by T. Taranovsky. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 401–406.

Doucette C. Glasnost in the Mailroom: The Soviet Subject in Gorbachev's Perestroika, 1985–1988 // The Soviet and Post-Soviet Review. 2021. Vol. 48. Issue 2. P. 171–188.

Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982.

Lincoln W.B. The Problem of Glasnost' in Mid-Nineteenth Century Russian Politics // European Studies Review. 1981. Vol. 11. Issue 2. P. 171–188.

Lovell S. How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860–1930. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Ruud Ch.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto: University of Toronto Press, 2009.

Ruud Ch.A. Glasnost' in Russian history, 1700–1917 // Ideologie, poglady, mity w dziejach Polski i Europy XIX i XX wieku / Ed. by Jerzy Topolski, Witold Molik, Krzysztof Makowski. Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1991. P. 255–262.